

— Умышленно? — с сомнением протянул шериф Дюк.

На самом же деле, его внимание привлекло совсем другое слово из речи Калена...
«Произведение искусства».

Молодой человек, назвал тело жертвы «произведением искусства»; хотя шериф и понимал, что парень просто поставил себя на место убийцы, но то, с какой скоростью и без запинки он смог подобрать столь необычное определение, не могло не вызывать удивления.

Тем не менее, Дюку хотелось услышать, что же тот скажет дальше, поэтому он решил подтолкнуть парня:

— И почему вы так решили?

— Это явно не преступление в состоянии аффекта.

— Хм, — кивнул шериф.

Убийство в состоянии аффекта, в отличие от преднамеренного убийства, не подразумевало мотива. Оно совершалось в состоянии помутнения рассудка, вызванного провокацией со стороны жертвы.

Однако это тело, над которым так тщательно потрудились, явно не вписывалось в рамки аффекта, ведь убийца проделал целый ряд манипуляций уже после смерти жертвы.

Шериф Дюк повертел в руках свою трубку и продолжил:

— И с чего же вы это взяли? Мы ведь еще толком не осмотрели место преступления, не так ли?

Кален немного помедлил, а затем ответил:

— Чувствую.

— Чувствуете?

— Да, у меня такое чувство возникло, когда я увидел тело.

— Вы что же, на чувствах дело расследуете? — Шериф поднял руку. — Нет, постойте, мне и правда интересно услышать о ваших чувствах. Можете поподробнее?

— Убийца спрятал тело под сценой...

— Значит, — перебил его шериф, — убийца хорошо знаком с планировкой этого зала. И если добавить к этому ваше предыдущее предположение о том, что это не несчастный случай, а умышленное преступление, то убийца либо работает в этом зале, либо, по крайней мере, является его частым посетителем. Ох, простите, я снова вас прервал. Пожалуйста, продолжайте.

— Я могу руководствоваться лишь своими чувствами, шериф, — вновь попытался объяснить Кален.

— Ничего страшного, говорите уже.

— Танцевальный зал — это место многолюдное и шумное. Обычно, когда убийца избавляется от тела, его главная цель — скрыть следы преступления. Но только не в этом случае. Убийца поместил тело сюда и так старательно над ним поработал с одной-единственной целью... показать его всем. Возможно, даже сегодня.

— Это как картина, которую художник, завершив, накрывает красной тканью. А потом, когда собираются гости, снимает ее, являя миру свое творение.

— Кроме того, я думаю, в том, что тело оставили под сценой, есть и другой смысл.

— Какой же?

— Хоть это и не преступление в состоянии аффекта, но убийца явно руководствовался сильнейшей ненавистью.

— Не волнуйтесь, как только мы установим личность жертвы, мы займемся проверкой его социальных связей. Особое внимание уделим тем, у кого мог быть мотив, кто находился с ним в ссоре или конфликтовал.

— Нет-нет, вы меня не так поняли. Ненависть, о которой говорю я, и ненависть, которую вы имеете в виду, — разные вещи.

— Разные?

— Она не относится к той, что возникает в повседневной жизни, между коллегами, родственниками, соседями, друзьями... когда из-за какой-то мелочи копится обида, которая в итоге выливается в убийство. Ненависть, о которой говорю я, — иного рода.

— Видите ли, убийца слишком уж скрупулезно подошел к оформлению тела. В этом чувствуется не только религиозный подтекст, но и нечто от скульптора, выражающего свои эмоции через искусство.

— Все эти слова мне, конечно, знакомы, но вот вместе..., — шериф на секунду задумался.

— Пройдемте со мной.

К этому времени дядя Мейсон с помощниками уже унесли тело, и в зале остались только Кален и шериф.

Поскольку ни Дюк, ни Кален не стали кричать при виде тела в проломе, никто в той неразберихе даже не заметил, что здесь есть еще один труп, не имеющий отношения к «несчастному случаю».

Кален спустился со сцены и направился к зрительному залу. Планировка этого зала напоминала театральную, что неудивительно, ведь до того, как здесь открыли танцевальный зал, это и был один из театров Лоцзя.

Поэтому подъем на «зрительские места», то есть в партер, представлял собой лестницу, ступени которой становились все выше по мере приближения к задним рядам, как на арене для гладиаторских боев.

Кален продолжил подниматься и остановился где-то посередине.

Здесь стояли высокие столики, настолько маленькие, что на них помещалось лишь несколько стаканов. Стульев рядом не было, так что, если хотелось посидеть с комфортом, приходилось раскошелиться на места в партере.

Эти же столики предназначались для того, чтобы поставить стакан и поболтать с друзьями. Хотя девушкам, конечно, никто не мешал пройти вперед и составить компанию за столиком у кого-нибудь из выпивающих.

В отличие от дяди Мейсона, который уже давно завязал со своим прошлым, Рон был завсегдатаем этого заведения, и этот сектор был его вотчиной, ведь здесь не было минимального заказа.

Одна мелодия длилась от силы минуты три, а стоила пять лу. И хотя Рон зарабатывал неплохо, тратить деньги он любил еще больше, поэтому не мог позволить себе танцевать без остановки.

Большую часть времени он проводил, цедя пиво из своего стакана и оглядывая «одетых в лохмотья» красоток.

И только когда появлялась та самая, самая красивая и желанная, Рон приглашал ее на танец, один или максимум два. А потом, едва музыка стихала, расплачивался и возвращался на свое место, чтобы продолжить потягивать пиво, смакуя не только его вкус, но и воспоминания о танце, и высматривать новый объект для ухаживаний.

Все это Рон рассказывал по дороге сюда, и рассказывал с гордостью, ведь он нашел способ растянуть удовольствие до предела, затратив при этом минимум средств.

Кален обернулся. Шериф Дюк стоял прямо у него за спиной.

— Шериф, повернитесь, пожалуйста.

— Хорошо.

Шериф развернулся и стал смотреть вниз, на сцену.

Голос Калена доносился откуда-то сзади:

— А теперь, шериф, представьте, что это не просто танцевальный зал, где только что обрушилась сцена. Представьте, что здесь все как обычно. Слышите? Заиграла музыка, веселые мотивы «Эльфа из Лоуцзя».

Эту мелодию очень любила тетя Мэри и часто включала ее у себя в мастерской.

— Смотрите, огни постепенно гаснут, гости уже выбрали себе партнеров и выходят на сцену. Видите? В центре зала, под светом софитов, кружатся в танце сотни пар.

— Да, по краям можно заметить несколько парочек, которые и правда стараются танцевать, пусть и не идеально, но зато по правилам. А что внутри? Мужчины прижимаются к танцовщицам, их руки тянутся туда, куда не следует, и жадно блуждают по чужим телам.

— Слышите? Звуки страсти несутся со сцены, переплетаются с музыкой. Посмотрите! Все, что вы видите перед собой, — это концентрированное проявление человеческих желаний. Прикрываясь друг другом, люди сбрасывают маски и даже находят удовольствие в том, чтобы выставлять свои пороки напоказ.

— А теперь поднимите голову. Стекло над вами открывает еще более захватывающую картину. Мораль, этика, сдержанность — все это осталось за пределами танцпола. Деньги и первобытная похоть правят балом, и то, что должно быть скрыто от посторонних глаз, здесь, на этих двух уровнях сцены, становится нормой.

По мере того, как Кален рисовал образы, перед глазами шерифа и правда стала возникать похожая картина, где свет и тени сплетались в причудливом танце.

— А теперь, — продолжал Кален, — опустите взгляд вниз, в самый центр сцены, туда, где находится пролом. Медленно, не спешите... Скажите, что вы видите?

— Тело, — ответил шериф. — Тело с Библией культа Берри на груди, тело, застывшее в издевательской позе.

— В какой же именно позе оно застыло?

— Лежа.

— Неужели?

— А разве нет?

— Встаньте сюда, где стою я, и посмотрите еще раз. Неужели вам и правда кажется, что оно лежит?

Шериф Дюк сосредоточил взгляд на теле, и по мере того, как менялся угол обзора, на его лице проступило удивление. Наконец он воскликнул:

— Нет, оно не лежит. Оно стоит! Это танцующие на сцене лежат!

Внезапно шериф сжал кулаки.

Он вдруг осознал, что все это время смотрел на происходящее глазами стороннего наблюдателя. Нет, не просто наблюдателя... а ценителя!

Дюк медленно повернул голову влево.

В поле его «зрения» возникла темная фигура. Она стояла совсем рядом, на его месте, и, улыбаясь уголком губ, наблюдала за ожившей картиной.

Это и был убийца!

Шериф инстинктивно протянул руку, чтобы схватить его.

Но в тот самый миг, когда его пальцы коснулись темной фигуры, она растворилась в воздухе. Свет и тени исчезли, и все вокруг вновь приобрело свой настоящий облик.

Музыка стихла, и единственным звуком было его собственное прерывистое дыхание.

Дюк повернулся к Калену и, помедлив, произнес:

— Этот человек убивает ради удовольствия. Он наслаждается этим.

Дело принимало серьезный оборот.

Несчастные случаи, увы, были нередки, и от них никто не был застрахован. Гибель людей в результате несчастного случая вызывала у близких скорбь и печаль.

Но серийный убийца-маньяк... Его существование могло посеять панику во всем Лоуцзя.

— Он не считает, что убивает. Он создает произведение искусства. Он уверен, что являет миру нечто прекрасное.

— Тогда эта Библия культа Берри, цветочный горшок на животе, средний палец, нагота... — Шериф нахмурился. — Все это кажется... каким-то...

— Вы хотите сказать, что все это не имеет значения? — подсказал Кален.

— Да... пожалуй, что так.

— Потому что картина и без того достаточно выразительна. Вернее, все эти детали — всего лишь фон, призванный подчеркнуть ее глубину и изысканность.

— То есть, и цветочный горшок, и средний палец, и «Песнь души»... Все это не более чем случайный набор предметов, не несущий в себе никакого скрытого смысла? А жертва, чью личность нам еще предстоит установить, вполне возможно, даже не являлась последователем культа Берри?

Кален кивнул, но все же уточнил:

— Однако культ Берри прославляет природу, а природа — это естество.

— Да, — кивнул шериф. — Некоторые последователи культа Берри обожают устраивать массовые оргии, считая это одним из способов приблизиться к природе. И этот момент как нельзя лучше согласуется с происходящим на сцене. Значит, убийца не принадлежит к культу и не испытывает к нему ненависти. Его ненависть вызвана... отношением. Он ненавидит то, что проповедует этот культ.

— Все верно, шериф. Произведение искусства, лишённое эмоций, — это всего лишь бездушная комбинация изящных форм. Она не приносит радости своему создателю. Ненависть же может быть источником удовольствия, но для этого необходима сопричастность.

— Это тело не подвергли наказанию. Жертва не была объектом его ненависти, она была лишь инструментом, с помощью которого он воплотил свои фантазии. Стоя здесь и наблюдая за происходящим, убийца воображал себя на сцене, а танцующих мужчин и женщин — теми, кого он ненавидит и над кем насмехается. Он стоит, а они лежат. Он словно бог, вззирающий на погрязших в грехе смертных. Эта ненависть выходит за рамки привычного понимания.

Шериф кивнул, а затем покачал головой:

— Мне кажется, я что-то упускаю. Убийца... сопричастность... Значит, между ним и жертвой не было вражды... Возможно, они были очень близки, настолько близки, что убийца смог...

— ...ощутить сопричастность, — закончил за него Кален с легкой улыбкой.

Шериф легонько стукнул себя трубкой по голове и издал короткий смешок:

— Ха... ха...

Затем, он глубоко вздохнул и произнес:

— Все, что вы сейчас сказали, не имеет под собой никаких оснований. Это всего лишь догадки и домыслы, но почему-то я вам верю.

— Я всего лишь выполняю свой гражданский долг, стараясь сохранить в городе порядок и спокойствие.

— В ходе расследования я уделю особое внимание тем, кто был близок к жертве. Чем ближе, тем лучше, — заключил шериф.

Кален промолчал.

— Вы из семьи Иммерлес? Кем вам приходится Мейсон?

— Он мой дядя.

— Вот как. А я так и знал, что вы не просто работник в их конторе. С такой-то внешностью вам незачем таскать трупы. Вон, стой себе здесь, да дожидайся, пока эти фифы сами тебя танцевать позовут, да еще и деньги за это платить будут, — сказал шериф, явно гордясь своим чувством юмора, и рассмеялся.

Кален вежливо улыбнулся в ответ.

Он уже начал привыкать к тому, что в этом мире к красивым людям часто относились с нескрываемой неприязнью.

— Меня зовут Дюк Малмер. Можешь звать меня Трубка Дюк.

— Кален Иммерлес.

— Сколько вам лет, Кален?

— Пятнадцать.

— Надо же, у Мейсона такой толковый племянник! За всю свою службу я впервые сталкиваюсь с чем-то подобным.

В этот момент в зал вошли полицейские.

— Если в деле появятся подвижки... Нет, даже если не появятся, я все равно с вами свяжусь. Минк-стрит... дом тринадцать, верно?

— Да, шериф.

Дюк повернулся к вошедшим полицейским:

— Под сценой, там, где пролом, найдено тело убитого. Оцепите место преступления и запросите подкрепление.

Он начал спускаться по лестнице, но, не дойдя до конца, остановился и, обернувшись к Калену, тихо пробормотал:

«Племянник, который нашел общий язык с маньяком-убийцей...»

Спустившись на несколько ступеней, шериф вновь остановился и, обернувшись к Калену, сказал:

— Еще кое-что.

— Слушаю вас.

— Осматривая тело, я заметил, что оно забальзамировано. А учитывая, что сейчас зима, разложение будет происходить очень медленно. Убийца мог бы еще долго наслаждаться своей

игрой, своей ненавистью... Зачем же он решил показать свое «произведение искусства» именно сейчас? Я понимаю, ему не терпелось продемонстрировать его миру, но, мне кажется, он вполне мог бы еще немного с этим повременить, разве нет?

Кален посмотрел на шерифа и ответил:

— Возможно, убийца не терпит однообразия.

Зрачки шерифа сузились:

— Вы хотите сказать, он уже нашел новую жертву?

— Нет.

— О... — с облегчением выдохнул Дюк.

— Он уже любит ее, — закончил Кален.

...

Кален вышел из танцевального зала. Возле входа уже стояли две кареты скорой помощи, куда санитары заносили раненых. Хаос понемногу уступал место порядку.

Кален огляделся, но переоборудованного катафалка «Кок» нигде не было. Вот незадача.

Неужели дядя Мейсон, увлекшись доставкой очередного «клиента», не заметил, что его племянника нет в машине?!

Делать нечего, придется ловить такси.

Он вызвался помочь Дюку с составлением психологического портрета не потому, что возомнил себя детективом. Просто ему позарез нужно было завести знакомства. Пусть «сбежать из дома» он пока не мог, но это не мешало ему готовиться к этому событию заранее.

Скрывать свои таланты не было никакого смысла. Какой смысл скрывать таланты, когда твой собственный дед раздумывает, не убить ли тебя?

В этот момент рядом с Каленом остановилось такси.

Из машины вышел мужчина в кепке, с крючковатым носом и острым подбородком.

Не раздумывая, Кален открыл дверцу и уселся на заднее сидение. И только тут заметил, что рядом с ним, уронив голову на окно, спит женщина в сером платье.

— Мадам, мадам, — окликнул ее водитель. — Мы приехали.

Женщина проснулась, открыла дверь и, выбираясь из машины, пробормотала с легким упреком:

— Ну и что шеф разволновался? В полиции же сказали, что это несчастный случай! Какое отношение к этому могут иметь демоны? Нет, надо же было ему самому приехать и все проверить... Шеф, подождите меня!

— Сэр, куда вам?

— Сэр?

— Сэр?

— А? — рассеянно отозвался Кален.

— Куда вам ехать?

— Минк-стрит, дом тринадцать.

— Хорошо.

Такси тронулось с места.

Кален разжал левую ладонь и посмотрел на ожог в форме креста.

Она что, сказала «демоны»?

В этот момент Кален почувствовал, как по спине пробежал холодок. Ему вдруг стало не по себе, и в душе зародился страх.

Казалось, мир за порогом его дома

был не таким уж и дружелюбным...

<http://tl.rulate.ru/book/77240/4270126>